

ЛЕВ МАЗЕЛЬ: КОНСЕРВАТОРСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Лев Абрамович МАЗЕЛЬ (1907-2000) - в отечественной музыкальной теории звезда первой величины. Математик и музыковед, ученик Ан.Александрова и М.Иванова-Борецкого. Профессор. Докторскую диссертацию он защитил в 32 года (минуя кандидатскую). Совместно с В.Цуккерманом разработал методику «целостного анализа». Однако, не все знали о другом даре ученого - Мазель талантливо изображал своих знакомых из числа преподавателей консерватории - точно так же, как это делал другой мастер имитации - Ираклий Андронников. Любимыми «масками» Мазеля были Г.Нейгауз, А.Гольденвейзер, К.Игуменов, ученый секретарь консерватории И.Любимов. Были у него также и «произведения крупной формы» - такие, как, например, «Фуга» или «Один Коган - не Коган». Конечно, изложенные на бумаге, все эти описания теряют свое изумительно (хотя, как правило, гротескно и заостренно) передавал манеру говорить каждого из своих героев.

Расскажу вам новеллу, которую я озаглавил так: «Один Коган - не Коган!»

Вскоре после того, как я вышел на пенсию, я как-то встретился с профессором Григорием Михайловичем Коганом. Известным пианистом и музыковедом - ныне уже покойным. Он незадолго до меня тоже стал пенсионером. Естественно, мы обменялись опытом оформления пенсий. Я работал в то время в Москве, достать нужные бумаги было легко... Все прошло гладко.

«А у меня было п'яключение! - сказал Коган своим характерным, чуть картавящим голосом с четкой артикуляцией. - Ведь я много лет п'оработал в Киеве. И когда я об'атился с п'осьбой выслать мне справку, мне ответили, что соответствующие документы сожжены во время немецкой оккупации». После этого Григорий Михайлович разъяснил мне, что предстояло обращаться в суд, искать свидетелей... А это большая и долгая канитель. «Так что же я сделал? Я написал вто'ично в Киев, по тому же самому адресу ту же просьбу. И, п'едставьте себе, - на сей раз мне выслали справку!»

- Как же так? А чем вы мотивировали свою вторичную просьбу? - Ничем, конечно! Да я и не сообщал, что эта просьба вторичная. А то бы мне и ответили: «Что вы лезете, вам же уже сказали, что все сожжено. Я написал, как ни в чем ни бывало.

- Григорий Михайлович, вы - гений! Ни мне, никому другому - простому смертному - никогда бы не пришло в голову вот так просто взять и написать во второй раз...

- Нет, я не гений. Но у меня есть жизненный опыт. Я разъезжал по стране, концертировал. Мне известно, что существуют беспорядок и лень. Поэтому мои первые киевские адресаты могли либо - в силу беспорядка - не найти документов, либо - в силу лени - не искать их. Проще написать, что сожжены. Когда я подхожу к администратору гостиницы в любом городе - и он говорит, что свободных номеров нет, - это не значит, что их действительно нет. Это значит, что надо уйти, через пять минут прийти опять, немножко иначе надеть берет, применить несколько иную аргументацию - и номер находится. То же самое на железных дорогах. Купить билет очень трудно, но когда едешь - вагон полупустой. Все как будто забронировано, но те, для кого забронировано, не ездят. Разрешите, я вас расскажу один совершенно возмутительный случай, когда мне даже продали билет - а потом

оказалось, что это место забронировано для какого-то большого начальника - и меня по-хамски согнали с моего места и мне пришлось ехать на другом, а на то место, конечно же, никто не сел. Я поехал давать концерты во Владивосток. Самолета я не переносу. Международные вагоны на такие большие расстояния у нас почему-то не ходят, ходят только на маленькие. Пришлось мне путешествовать в обыкновенном мягком вагоне. Ну, раз жить там целую неделю, хочется еще чем-то заниматься и надо обеспечить себе надлежащий комфорт, условия для работы. Это должно быть не просто нижнее место, но такое, на котором пассажир смотрит вперед по ходу поезда, а не назад. Иначе может закружиться голова. Кроме того, это должно быть место в одном из средних купе поезда, потому что близко к краю зимой дует: можно простудиться...

...В Москве Коган все это организовал. Но как быть с обратной дорогой? Он изложил свои пожелания работникам филармонии. Сам рассчитал, что наиболее удобными для него будут 11-е, 15-е или 19-е места. И попросил достать ему билет на одно из этих трех мест. Пообещали. Сказали: в случае чего поставим на ноги горьком, обком - я знаю, что еще... Проводили, посадили в поезд, принесли билет - действительно, на 15-е место! Но так как поезд уходил в полвторого ночи, он отпустил провожающих и остался один.

...И вот за пятнадцать минут до отхода пришел начальник поезда, проверил билет и сказал, что он продан по ошибке, - здесь все места забронированы! И что придется пересесть на 23-е. Коган спросил: а нельзя ли на 11-е, но железнодорожник резко ответил: «Нет, ни в коем случае!» Пришлось Когану подчиниться; он сел на 23-е место. По счастью, оно оказалось тоже по ходу поезда. Купе не самое крайнее, там не дуло; соседи оказались милыми людьми...

Но вот, примерно через сутки после того, как состав отошел от вокзала во Владивостоке, Коган, прогуливаясь по коридору, встретил того самого начальника поезда, который согнал его с заветного 15-го места, и спросил его: «В чем дело? Сядет ли еще кто-то на одной из ближайших станций или нет?» Начальник ответил: «Нет, не сядет. Раз уже во Владивостоке не сел, так уж и дальше не сядет. Бронируют и не едут; мы к этому привыкли... Но на этот раз сказали, что непременно сядет, и что очень большой человек должен был ехать. Даже из обкома звонили: ТОВАРИЩ КОГАН!!!»

«А почему я пришел проверять тогда? Я знаю, что иногда начальник, большой человек, со своими помощниками или сотрудниками едет. Ну, им бронируют места, но всегда в одном купе. А тут три разных места в трех разных купе забронировали: 11-е, 15-е и 19-е. Ну, думаю, такой большой начальник, что брезгует со своими помощниками в одном купе ехать. И даже их по разным купе рассажал.

- Ну, а почему вы на меня так рассердились? Я-то ведь ни в чем не виноват...

- А как мне было не сердиться? Я говорю: надо на 23-е место перейти. А вы мне: а нельзя ли на 11-е или 19-е - все на когановы места норовите!

...И я подумал, сказал Григорий Михайлович, не открыл ли мне свое инкогнито? Но решил, что лучше этого не делать, потому что может получиться какой-нибудь скандал. Но один рискованный вопрос я все-таки решил задать.

- Ну, а почему же вы даже не спросили мою фамилию? Ведь

могло же так оказаться, что я и есть тот самый Коган?

- Так ведь вы же один были! Один Коган - не Коган... Да и по вас сразу видать, что вы никакое не большое начальство.

Это разъяснение меня вполне удовлетворило. Я понял, что раскрывать инкогнито не надо было. Потому что если бы я даже предъявил ему паспорт, он все равно бы подумал, что я не тот большой Коган, а всего лишь однофамилец, которому случайно, по чьей-то ошибке, продали билет на одно из когановых мест. Но зато я с удовольствием рассказал всю эту историю соседям по купе; мы весело смеялись. Я же рассказываю эту новеллу вам.

До войны я был дружен с известным музыковедом и фольклористом Вячеславом Викторовичем Пасхаловым, автором многих работ, в том числе «Шопен и польская народная песня». Человек он был больной, мало выходил из дому, нигде не бывал. Я иногда заходил к нему в гости. Он очень любил мои устные рассказы о каких-нибудь консерваторских делах. Ему нравилось, как я имитирую консерваторских профессоров - Игуменова, Гольденвейзера, Нейгауза. Он их всех хорошо знал - но давно не видел. Мои сценки были похожи, интонации - тоже; это его радовало. Да и многие истории были забавными.

Но одного из участников этих историй он никогда не видел и не слышал. Это был ученый секретарь Художественного совета Московской консерватории Иван Иванович Любимов. Он преподавал педагогику и психологию, музыкантом не был, поэтому Пасхалов его и не знал. Но я показывал ему и Любимова. Иван Иванович был большой законник. Иногда на заседании Совета он говорил: «Это - нельзя! А потому нельзя, что на этот счет имеется постановление Комитета по делам высшей школы (тут он поднимал палец вверх) от 12 февраля прошлого года (тут он другой рукой показывал пальцем назад). Вы всегда интересовались, в порядке ли документы по любому делу. У него был очень характерный густой, неторопливый голос.

И вот однажды читаем мы в газете, что в консерватории объявлен конкурс на замещение вакантной должности профессора по фольклору. Главный претендент был известен - Виктор Михайлович Беляев. Однажды Пасхалов говорит мне: «А, дайте-ка, я тоже подам документы на конкурс. Я преподавать, наверное, не стану - но мне интересно, что скажут!» Ну, может, в глубине души он думал, что может и станет преподавать... А пока сделал вид, что это «для интереса»... Решил-таки подать. Это надо было делать летом. А сам конкурс - осенью, когда соберется Художественный совет. Летом я уехал в отпуск. В конце августа приезжаю в Москву - в день, когда профессора должны расписаться - кажется, это было 26 августа. Вхожу в маленький кабинетик Ивана Ивановича Любимова и спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, Пасхалов подал на конкурс?» «Я вам скажу, Лев Абрамович, - ненормальный он какой-то, этот ваш Пасхалов... Ну, просто, черт знает что! Вот, он, знаете, здесь был - стоял, как вы сейчас передо мной стоите. И спрашивает: «Где тут бумаги подавать на конкурс?» Я его, естественно, спрашиваю: «А у вас документы все в порядке?» А он, словно мальчишка, как прыснет мне в лицо - и был таков! С тех пор я его и не видел.» Так он и не подал ничего на конкурс.

Ну, а по конкурсу, прошел, само собой, Беляев. И студенты много лет спали на его лекциях - вместо

того, чтобы зевать на лекциях Пасхалова.

1948 год

Композиторы вели себя по-разному. Благородней всех вел себя Мясковский. Он никуда не ходил, нигде ничего не говорил, ничего не подписывал. Полное молчание. Прокофьев на знаменитое собрание композиторов не пришел, но написал письмо. В письме он говорил, что, насколько он понял, партия требует мелодий - чтобы в операх преобладали арии, мелодические номера, а не речитативы. «У меня по этому поводу есть следующее соображение. В опере бывают места, которые по сути ситуации могут быть изложены только ариозно. И есть места, которые могут быть изложены только в форме речитативов - иначе замедляется темп действия. Но есть довольно много и таких мест, где приходится выбирать - где может быть и ариозное, и речитативное решение. Вот тут я, идя навстречу партии, буду стараться давать ариозное, а не речитативное решение...» Он не обмолвился ни словом, что можно так выстроить либретто, чтобы речитативов просто было меньше. Об этом он не написал. Лишь в тех случаях, когда можно и так, и сяк - я, мол, буду склоняться в пользу мелодизма... Это все тоже было вполне достойно...

Шостакович каялся: «Благодарю нашу партию за суровую отеческую заботу!» Шебалин тоже каялся - но сдержанно. А Гавриил Попов позже рассказывал, что «попал в Постановление случайно - шестым «формалистом» ведь должен был быть Кабалевский. Но он заметался, добиваясь, чтобы его имя из списка исчезло. «Предложите тогда другую фамилию» - и Кабалевский назвал мою...»

В консерватории тогда постоянно обсуждалось Постановление ЦК. Выступать были обязаны все. Я сказал примерно так: «Постановление еще раз напомню всем нам, что музыка есть форма общественного сознания. И что нельзя писать о музыке вне того, как она воспринимается обществом, общественностью, народом, «общественным слухом» - об этом еще и Асафьев писал. Между тем, в моих работах по Шостаковичу я рассматривал музыкальный язык Шостаковича, как некую законченную, завершенную систему, тогда как это живое, развивающееся явление; я также писал, что это явление классическое, и даже общепризнанно классическое, как будто народ эту музыку уже полностью признал. А Постановление как раз и показывает нам, что он еще не признан классиком. Я в этом отношении принимаю любую критику... Но вот чего я решительно не могу сделать - это критиковать саму музыку Шостаковича. Она меня покоряет - и я не могу произнести тут ни слова критики. Так что я, вроде бы, защищал Шостаковича. Это тогда было важно - молодые композиторы Карен Хачатурян, Герман Галынин даже специально благодарили меня... А через год, в марте 1949-го - меня все-таки выгнали из консерватории. Это была более тяжелая пора, теперь я уже тоже каялся - только отрицая при этом наличие «группы». Тогда считалось, что есть такая вредительская группа космополитов... А через полгода меня взял на работу в свой Институт военных дирижеров генерал Петров. Он прекрасно знал, кто есть кто. Меня ведь выставили с формулировкой «как не обеспечившего идейно-политического уровня преподавания». Но ваш однофамилец на все это попросту наплевал.

Беседовал Аркадий Петров